

В октябре 1991 года, через два месяца после августовского путча и приостановки деятельности КПСС, сотрудник Института США и Канады Дмитрий Фурман написал: «Демократия не господство партии «демократов»... Демократия — это борьба партий в рамках закона. Сейчас демократы оказались практически без оппозиций, ибо компартия распалась. Но если демократам оппозиция не нужна, то демократии она нужна как воздух». Девятнадцать лет назад это предостережение немногие воспринимали всерьез — в стране завершалась антикоммунистическая революция, которая, как считалось, закончится установлением демократии.

Сегодня это высказывание Фурмана больше не воспринимается как диссидентское. В современной политологии Россию вместе с республиками Средней Азии, Закавказья и Белоруссией относят к категории «гибридных» режимов, которые не являются переходным этапом от диктатуры к демократии, а имеют собственную динамику и специфические свойства. Фурман предпочитает называть такие системы «имитационными демократиями». В своей новой книге «Движение по спирали» он описывает эволюцию политических режимов на пространстве бывшего СССР. Есть ли у них будущее? Об этом Forbes спросил у самого автора.

— Когда вы пришли к выводу, что планомерное движение к демократии на советском пространстве невозможно?

— После августовского путча я понял, что с точки зрения демократизации дальше будет только хуже. В этом мнении я только укрепился после Беловежских соглашений.

— Вы расценивали роспуск СССР как точку невозврата, после которой победившие демократы уже не смогут отдать власть, так как будут опасаться за жизнь и свободу?

— Да. И я думал, что будет немножко хуже, чем оказалось на самом деле. Я думал, что путь к Путину мы пройдем быстрее. После 1991 года я уже не испытывал особенных политических разочарований.

В 1991 году существовал определенный веер возможностей, в котором прямой переход к демократии по типу польского или венгерского был, на мой взгляд, почти исключен.

С точки зрения демократизации, я думаю, лучшим вариантом было бы сохранение СССР лет на 10–15. И сохранение перестроенной и переименованной КПСС как одной из партий, возможно даже как партии-монополиста, но по типу Индийского национального конгресса — монополиста парламентского, которому противостоят очень разные и не могущие объединиться силы — ортодоксы-коммунисты, либералы-

рыночники, разные сепаратисты... Это не было бы полноценной демократией с ротацией у власти политических сил, но в этот период страна привыкала бы к новым правилам игры, готовясь к дальнейшей демократизации. Главное — сохранилось бы поступательное движение, а не стремительный рывок и падение, за которым всегда следует деморализация.

— Академик Юрий Рыжов сказал мне про это 20-летие: можно было пройти этот период немного лучше, но могло быть и гораздо, гораздо хуже.

— Вариант, который реализовался, я думаю, в общем нормальный, естественный. И естественность его подтверждается тем, что по пути построения имитационной демократии на постсоветском пространстве пошли почти все — за исключением Прибалтики и отчасти Украины и Молдавии. Даже сюжеты повторяются одни и те же: уголовное преследование бывших соратников, избавление от нелюбимых парламентов, возникновение олигархов, борьба с олигархами...

— Вы пишете, что вариантов дальнейшего развития не так много, но многое зависит от личных действий и поступков политиков.

— В 1991 году от субъективного фактора зависело очень многое, но после 1991 года — значительно меньше.

В постсоветском историческом развитии было много развилок, но одну я считаю самой важной. Я имею в виду поступок Путина, который не остался на третий срок. С точки зрения логики системы этот поступок необъясним. Путин совершенно спокойно мог и должен был остаться. Запад бы не одобрил — и плевать на него. Сейчас Казахстан — председатель ОБСЕ, а чего они только ни делали со своей конституцией.

Я думаю, что поступок Путина был в какой-то мере обусловлен страхом оказаться в ряду стандартных президентов стран Третьего мира. Возможно, Путину просто хочется быть европейцем.

И все же это его личное, важное и смелое решение. Этот поступок несколько сдвинул нас с нормальной траектории. Сейчас мы страна не совсем типичная для имитационно демократических режимов. Тандем — явление довольно редкое, можно сказать уникальное. Нормальный путь для руководителей таких стран — это менять конституцию, пока у тебя остаются какие-то силы, а под конец — передать власть самому близкому тебе человеку. Путин не пошел по нормальному пути. И этим своим действием он открыл целую цепочку новых развилок, и не исключено, что создал некоторые возможности для некатастрофического перехода к демократии. Но это, конечно, очень зыбкие и смутные возможности.

— Почему в России не возникло сильных политических партий?

— Как вообще возникают политические партии? Должен существовать какой-то идеологический раскол. В начале 1990-х самый глубокий и важный раскол определялся отношением к советской власти, противостоянием победивших демократов и коммунистов.

Но если возникает ситуация, при которой невозможно дать оппозиции, то есть коммунистам, прийти к власти, демократы перестают быть партией. Они становятся просто властью.

Примерно такой же раскол был вообще во всех посткоммунистических странах, перешедших к демократии. Однако там бывшим коммунистам позволили прийти к власти. Демократы рвали на себе волосы, но выяснилось, что ничего страшного не произошло. У нас это было исключено абсолютно. А раз так, то какие партии могут возникнуть, если невозможно образование партий, возникших из самой жизни?

— У Франции переход от абсолютистской монархии к консолидированной демократии занял почти 200 лет. Когда, на ваш взгляд, вся эта переходная тряска закончится в России — в течение десятилетий, столетия?

— Переход в России идет уже второе столетие. В несколько иных формах, но мы видим такой же маятник, как во Франции. Ведь кто такие коммунисты? Это какой-нибудь французский революционер Бабеф, застрывший во власти на 70 с гаком лет.

Не думаю, что нынешний режим просуществует очень долго. Вы можете себе представить цепочку президентов, передающих друг другу власть в течение всего этого века? Я не могу.

— Какие факторы могут привести к дестабилизации: экономический кризис, раскол в элите?

— Режимы имитационной демократии слабы. У них нет идейной основы, они стыдливы и вынуждены юлить. В них идут процессы вырождения: в элиту попадают все более слабые люди. Власть все хуже понимает, что происходит в стране и вообще в мире. Совершенно поразительны реакции свергнутых постсоветских президентов — Акаева, Бакиева, Шеварднадзе. Им мерещатся заговоры, за которыми стоят американцы, русские, в общем, какие-то внешние силы. Они просто не могут себе представить, что народ против них. Бакиев, после того как его свергли, удивлялся: «Я только недавно проводил общенародное совещание, и все аксакалы выступали и говорили, как правильно я веду политику!»

Параллельно люди привыкают к более свободной системе, чем советская. Опросы показывают, что сейчас наличие оппозиции в России воспринимается как норма. Ее никто особенно не любит, за нее не голосуют, но она, по мнению граждан, должна существовать.

— **На это есть возражение: кажущаяся слабость режима, открытость границ на самом деле способствуют его усилению, потому что недовольные просто уезжают на Запад, снижая градус протеста.**

— Я не думаю, что свободная эмиграция с возможностью возвращения на родину так уж полезна режиму. Ведь эмигранты отправляют на родину не только денежные переводы, но и новые идеи, связи, опыт.